

ПЕРФОРМАТИВНЫЕ ГЛАГОЛЫ РЕЧИ В НОМИНАЦИИ АКТА ДЕКЛАРИРОВАНИЯ (на материале произведений У. Сомерсета Моэма)

Е. Л. Пивоварова

Воронежский государственный педагогический университет

Рассматривается проблема эксплицитной номинации речевого акта с помощью некоторых перформативных глаголов. Анализируются их значения и функции в различных типах высказываний, показана автореферентность данных глаголов, их семантические варианты в речевом акте декларирования.

Особое внимание в современной лингвистике обращено к изучению механизмов функционирования языка в естественных условиях коммуникации, а именно — субъективного аспекта речи и собственно прагматических факторов [1]. Это объясняется пониманием речи как одного из «компонентов человеческой деятельности вообще, а языка — как орудия, призванного выполнять определённые коммуникативные задания» [6, 152]; [3].

Речевой акт, который в теории речевых актов рассматривается как центральная единица коммуникации, характеризуется определённой коммуникативной направленностью. В нём говорящий с помощью перформатива (глагола, выражающего цель речевого высказывания) осуществляет своё намерение произвести неречевой эффект на адресата речи — «передаёт какие-то сведения, речевую информацию, существенную для его поведения, его деятельности и организации её» [6, 156]. Выделяется группа перформативных глаголов, которая в рамках высказываний как коммуникативных единиц одновременно осуществляет номинацию речевого акта [2]. Установлено, что данная номинация может иметь как имплицитный характер, т.е. прямо не выраженный, так и эксплицитный. Последний, как уже отмечалось, выражается с помощью перформативных глаголов.

Цель настоящей статьи заключается в анализе значений перформативных предикатов *say, tell, admit, remark, confess*, образующих коммуникативный модус и эксплицитно номинирующих речевой акт декларирования. Источником практического материала послужили рассказы известного британского писателя У. Сомерсета Моэма.

Поясним, что перформативные формулы, которыми пользуются носители языка, комментируя

прямую речь, — *сказал он, признал он, говорил он, запретил он, согласился он* — обозначают различные коммуникативные акты. Являясь коммуникативными единицами (т.е. эксплицируя для собеседника его коммуникативное назначение), перформативы, используемые для их обозначения, автореферентны, они одновременно осуществляют и номинацию речевого акта. Так, произнесение перформативного глагола *I admit, I confess...* — это одновременно и действие, и сообщение о нём.

При отборе важно учитывать, чтобы глаголы действительно обладали перформативным характером, что является существенным в свою очередь для непротиворечивого описания речевых актов. Для этого существует «простейший тест» (Т. М. Чирко). Его можно применить, например, в отношении следующих глаголов: *считать, полагать, намереваться, желать*. Если к предложению со сказуемым, выраженным испытываемым глаголом, прибавить фразу *...но не сказал этого*, то, получив противоречивое высказывание, можем сделать вывод о том, что данный глагол — истинный перформатив. Например:

Он сообщил ей новость, но не сказал ей о ней.

Он предупредил меня об опасности, но не сказал мне о ней.

Если же неловкость не возникает, как в случаях:

Он сожалел о прошедшем, но не сказал никому об этом.

Одобрил наш план, но не сказал никому об этом, — то следует иметь в виду, что данные глаголы — это глаголы иной природы, и говорить о речевых актах «сожаления», «одобрения», «намерения» и им подобных нет оснований. Действительно, перечисленные глаголы указывают не на речевое действие говорящего, а на его психологическое состояние, послужившее мотивом к осуществлению речевого действия: недовольство

выражается в упрёке собеседнику, сожаление по поводу проступка — в извинении, чувство признательности — в благодарностях [6, 155].

Предикатам коммуникативного модуса свойственен, так называемый, семантический синкретизм, то есть совмещение в лексическом значении смысла говорения с тем или иным субъективно-оценочным смыслом.

Например, коммуникативный модус *I say* вводится в высказывание в случае сомнения в чём-либо:

— *She's still comparatively young. I dare say she'll marry again.*

— *Oh, no, she couldn't do that. That would be dreadful [C. A., p. 33].*

«*I dare say she's been no worse than plenty of others if the truth was only known. She had more temptation than most and I dare say a lot of them as blame her would have been no better than what she was if they had had the opportunity*» [C. A., p. 92].

Выделенное высказывание представляет собой речевой акт, являющимся выражением неуверенности субъекта в факте: он сомневается. Говорящий подчёркивает малую вероятность данного события, как правило, на основании уже имеющейся у него информации об объекте.

Коммуникативный модус *I say (I tell)* часто используется в разговорной речи в качестве диалогического клише. В таких случаях данный тип модуса, являясь формально побудительной частью высказывания — «риторическим императивом», — не содержит никакой информации и представляет собой формулу зачина, стимулирующую реакцию внимания со стороны слушающего. Тем самым коммуникативный модус выполняет контактно-устанавливающую функцию и может переводиться как «послушай!». В письменном тексте данный модус всегда маркируется запятой. Например:

«*I say, what's wrong with the Driffields?*» *I asked [C. A., p. 73].*

«*I say, have you ever heard of a girl called Avice Crichton?*» [T., p. 200].

«*I say, it's more what you'd expect from a Frenchman than from an English gentlewoman*» [C. A., p. 104].

«*I say, mum, there's a whole crowd going on to Maidenhead to dine and dance, and they want Tom and me to go too. You don't mind, do you?*» [T., p. 151].

Использование эксплицитного коммуникативного модуса (*I say*) в качестве диалогического клише может так же объясняться тем, что говорящий делает предположение. Приведём пример:

— *She can't be more than what? — forty or forty-five.*

— *No, I shouldn't think so. Forty-seven, say [C. A., 64].*

В ответной реплике прослеживается попытка субъекта сделать прогноз на основе собственного умозаключения. Обычно в таких высказываниях данное выражение переводится как «скажем, вероятно».

Коммуникативно-интенциональным (прагматическим) содержанием высказываний с коммуникативным модусом *I say (I tell you)*, функционирующих в речевом акте декларирования, является выражение силы убеждения говорящего в достоверности сообщаемого факта, события. Однако в речевой реализации высказывания данного прагматического типа могут служить средством передачи различных коммуникативных интенций говорящего. Приведём пример:

«*Oh, my dear, they're only a couple of kids. Let them have all the fun they can get, I say*» [T., p. 143].

«*If you haven't got the gift no one can get it you, but if you have you can be taught how to use it. I tell you, you've got the makings of a great actress. I've never been so sure of anything in my life*» [T., p. 24].

«*I don't say we rewrote the play*», said Michael, «*but I tell you it was a very different play we produced from the one the author submitted to us*» [T., p. 11].

Как видим высказывание с коммуникативным модусом *I tell you* имеющее базисное прагматическое значение констатации, уверенного утверждения в ситуации непосредственного общения актуализирует коммуникативную интенцию обещания.

Успешное протекание речевого акта обещания предопределяется соблюдением определённых экстралингвистических правил, выполнение которых, а так же соблюдение правила отнесённости к будущему времени, уверенность адресата в сообщаемом действии способствует успешной реализации речевого акта обещания.

Напомним, что речевой акт декларирования эксплицируется (помимо глаголов *say / tell*) такими перформативами, как *admit, confess, remark*.

Высказывания с коммуникативным модусом *I remark* представляют собой речевой акт декларирования, где адресат высказывает свою точку зрения, своё мнение по поводу чего-либо, при этом, не навязывая её слушающему. Слушающий сам решает: принимать данное утверждение или нет. Например:

«*He doesn't look much like a sailor*» *I remark [C. A., p. 49].*

«When I went home to dinner, my hair insufficiently dried and clinging lankly to my head, **I remarked** that I had met the curate and he was coming up that afternoon» [C. A., p. 47].

Перформативные глаголы **admit** и **confess**, входя в состав коммуникативного модуса декларирования, являют собой акт, позволяющий в процессе общения информировать слушающего по поводу определённого события в форме констатации факта. Говорящий, проявляя реакцию на то или иное событие, заставляет и слушающего отреагировать на сообщаемое. Приведём **примеры**:

«How like you this is! Anyhow you must **admit** that you're in the minority» [C. A., p. 34].

«Of course I'm willing to **admit** that a lot he wrote seems a bit oldfashioned nowadays» [C. A., p. 37].

«Panic seized you and you **confess** that you have a car» [C. A., p. 20].

Подведём некоторые итоги. Перформативные предикаты коммуникативного модуса в речевом акте декларирования специфичны: они автореферентны, так как одновременно номинируют речевой акт. Также перформативные предикаты обладают сложной природой, и не всякий глагол, определяемый на первый взгляд как перформатив, в конечном итоге им оказывается. Несмотря на то, что это они являются средствами эксплицитного номинирования, их перформативный характер завуалирован. Их сложность состоит в том, что они совмещают в своем значении смысл говорения с субъективно-оценочным смыслом.

Исследование высказываний с коммуникативным модусом, функционирующих в речевом акте декларирования, позволяет сделать вывод о том, что перформативные глаголы **say, tell, admit, remark, confess** в позиции предиката коммуникативного модуса эксплицитно передают коммуникативную целеустановку говорящего. Лексическое значение данных предикатов в акте речи осложняется субъективно-оценочными смыслами, свидетельствуя о субъективном отношении говорящего к содержанию своего высказывания.

В процессе непосредственного общения базисное прагматическое значение высказываний с коммуникативным модусом **I say** может нейтрализоваться другим коммуникативно-интенциональным значением (например, обещанием) и стать доминирующим в высказывании.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. См.: Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. Логико-семантические проблемы / Н. Д. Арутюнова. — УРСС. — М., 2003. — 383 с.

Арутюнова Н.Д. Оценка, событие, факт / Н. Д. Арутюнова // Типы языковых значений. — М., 1988. — С. 132—169.

Апресян Ю.Д. Лексическая семантика: синонимические средства языка / Ю. Д. Апресян. — М., 1974. — С. 3—64.

Богданов В.В. Семантико-синтаксическая организация предложения / В. В. Богданов. — Л., 1977. — С. 204—244.

Васильев Л.М. Основные понятия современной лингвистической семантики / Л. М. Васильев // Семантика русского глагола. — М., 1981. — С. 15—28.

Васильев Л.М. Семантическое своеобразие глагольной лексики и принципы её классификации / Л. М. Васильев // Семантика русского глагола. — М., 1981. — С. 35—42.

Васильев Л.М. Глаголы речи, звучания, поведения / Л. М. Васильев // Семантика русского глагола. — Уфа, 1981. — С. 4—37.

Милосердова Е.В. Семантика и прагматика модальности / Е. В. Милосердова. — Воронеж, 1991. — С. 196.

Cresswell M.J. Logics and Languages. — London, 1974. — 273 p.

Ross J.R. On Declarative Sentences // Reading in English Transformational Grammar / Ed. By Jacobs. — Weatman: Academic Press, 1970. — 168 p.

2. См.: Егорова И.В. Семантическое варьирование предикатов коммуникативного модуса в речевом акте декларирования // Межвузовский сборник науч. тр. — Горький, 1985. — С. 61—65.

Таюнова О.И. Типы коммуникативно-прагматической вариации в малоформатных текстах // Вестник ВГУ, Серия Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2005, № 2. — С. 66—71.

Розенталь Д.Э. Простое и сложное предикативное варьирование / Д. Э. Розенталь // Современный русский язык. — Т. 2. — М., 1979. — С. 31—85.

Семантика и синтаксис конструкций с предикатными актантами. — Иркутск: Изд-во ИГЭА, 1988. — С. 5—37.

3. Касевич В.Б., Храковский В.С. Семантика и синтаксис конструкций с предикатными актантами // Материалы всесоюзной конференции «Типологические методы в синтаксисе разносистемных языков». — Л., 1981. — С. 13—35.

Распопов И.П. Понятие о валентности / И. П. Распопов // Спорные вопросы синтаксиса. — Изд-во Ростовского ун-та, 1981. — С. 45—57.

4. Вежбицка А. Метатекст в тексте / А. Вежбицка // Новое в зарубежной лингвистике. — М., 1978. — Вып. 8. — С. 32—64.

5. Стеблецова А.О. Использование перформативов и сфере деловой коммуникации / А. О. Стеблецова // Коммуникативные и прагматические компоненты в лингвистическом исследовании. — ВГУ, 1995. — С. 68—75.

6. Чирко Т.М. О выделении коммуникативно-интенциональных типов высказываний / Т. М. Чирко // Фун-

кционирование языковых единиц в речи и в тексте. — ВГУ, 1987. — С. 151—159.

7. Чирко Т.М. Грамматика активного типа: объём и содержание понятия / Т. М. Чирко, Н. А. Шарова и др. // Актуальные проблемы обучения иностранным языкам в школе и вузе. — ВГУ, 2002. — Ч. 2. — С. 135—144.

8. Функциональный аспект языковых единиц со структурой словосочетания и предложения // Межвузовский научный сборник. — Курск, 1985. — С. 187.

9. Шмелев Д.Н. Проблемы семантического анализа / Д. Н. Шмелев. — М., 1973. — С. 66—85.

10. Таюпова О.И. Типы коммуникативно-прагматической вариации в малоформатных текстах. — Указ издат. — С. 66—67.

ИСТОЧНИКИ ПРИМЕРОВ
И ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ:

1. С.А. — *Maugham W.* Somerset Cakes and Ale or the Skeleton in the Cupboard. — М., 1997.

2. Т. — *Maugham W.* Somerset Theatre. — М., 1997.